

появлением на современных территориях, где обитают литовцы, обязаны более поздним переселенческим (подчас насильственным) или другим процессам в жизни балтийских племен. Так, уже сейчас почти установлено, что в окрестностях Пялясы в исторические времена переселилось определенное количество представителей прусского племени — скалвы и барты [6, С. 83—89; 7, с. 181—191]. Не исключена возможность переселения западнобалтийского этнического элемента в окрестности Сямялишкес (Тракайский р-н). В последнее время обращено внимание на наличие отэтнонимических топонимов западнобалтийского характера в западной Латвии: *Sudi, Zudavi, Semba, Zemba* [8, л. 10], *Semben* [9, л. 163—164] и др. Появление таких топонимов прежде всего, видимо, следует связывать с миграцией пруссов, ятвягов и т. д. после их поражений в XIII в. или позже. С другой стороны, возможно, что появление этих отэтнонимических топонимов следует отнести и к более ранним векам — приблизительно к V. В связи с наличием отэтнонимических топонимов в Курземе следует обратить внимание и на некоторые топонимы Литвы, имеющие признаки западнобалтийских языков. Это в первую очередь название бугорка *Jadzvingų kapai* (близ Куртувенай), первое слово которого, очевидно, происходит от этнонима *jótvingiai*.

Далее на север, в окрестностях Пашвитинис, вблизи дер. Бучюнай, небольшое поле, вспаханный луг носит название *Sambūtis*. Этот топоним пока этимологии не имеет. Наряду с возможными другими интерпретациями этого топонима есть некоторое основание предполагать его связь с указанными западнолатышскими топонимами *Semba, Zemba* и с этнонимом *sembai* (*Semba* и т. п.). Если это действительно так, то налицо два топонима, происходящие от западнобалтийских этнонимов, что указывает на сравнительно поздний, миграционный их характер. Причины их появления пока не ясны. Возможно, по этим местам проходила волна (или одна из волн) миграции западных балтов на север.

В заключение следует подчеркнуть, что дальнейшие поиски языковых результатов в области исторической ономастики¹ и особенно диалектологии².

ЛИТЕРАТУРА

1. Vanagas A. Lietuvių-latvių hidronimų paralelės ir jų arealas. — LKK, 1977, t. 17.
2. Būga K. Rinktiniai raštai. — V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1961, t. 3.
3. Šliavas J. Nebaigti ieškojimai. — In: Kraštotyra. V., 1969.
4. Šliavas J. Substratas Žemelio apylinkės vardyne ir tarmėje. — In: Kraštotyra. V., 1970.
5. Vanagas A. Lietuvos TSR hidronimų daryba. — V.: Mintis, 1970.

¹См. в первую очередь работу А. П. Непокупного в этом направлении.

²Напр., исследования В. Дамбе, А. Брейдака, Ю. Шляваса по проблеме жемгальского и селонского субстратов в современных литовских диалектах.

6. Ochmański J. Skolwa i Borcie. Zachodniobałtyjskie osadnictwo na Litwie średniowiecznej. — In: Z polskich studiów slawistycznych. Ser. 4. Historia. Warszawa, 1972.
7. Судник Т. М. К истории языковой ситуации Пялясы. — В кн.: Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980.
8. Balode L. Dažu hipotētisku etnonīmu izplatība Latvijas PSR teritorijā (*zemgaļi, sudavi, sembi*). — In: IV vissavienības konference. Referātu tēzes. Rīgā, 1980.
9. Непокупный А. П. Ятвяги и Латвия. — In: IV vissavienības baltistu konference. Referātu tēzes. Rīgā, 1980.

ELEMENTE DER ANDEREN BALTISCHEN DIALEKTE IM LITAUISCHEN (Untersuchungen anhand von Toponymie)

A. Vanagas

Zusammenfassung

Im vorliegenden Artikel werden die in der litauischen Gegenwartssprache erhalten gebliebenen Toponyme mit den phonetischen, Wortbildungs- und lexikalischen Besonderheiten der verschwundenen baltischen Dialekte, deren Areale mit dem gegenwärtigen Territorium des litauischen Ethnos mehr oder weniger zusammenfallen, untersucht. Diese Ortsnamen werden in Süd-, West-, mittelnördliche sowie nordöstliche eingeteilt und stehen dementsprechend in Beziehung zu den verschwundenen jatvingischen, kurischen, zemgalischen und selischen Idiomen.

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ СОВРЕМЕННЫХ ЛИТОВСКИХ ДИАЛЕКТОВ

З. Зинкявичюс (Вильнюс)

Как известно, более или менее устойчивым является лишь письменный язык. Живой разговорный язык таким не бывает, он находится в постоянном движении. Поэтому во всех языках имеются наслоения разной древности. Постоянно происходящие в языке изменения распространяются лишь на определенной территории, и это создает предпосылки для распада языка на диалекты (несмотря на тенденции к интеграции). При классификации диалектов решающими принято считать фонетические изменения, причем со строгим соблюдением иерархии изофонов по древности и той роли, которую они выполняют в языке.

Литовский язык, несмотря на сравнительно небольшую территорию распространения, в диалектологическом отношении является одним из наиболее дифференцированных современных индоевропейских языков. Фонологическая, а особенно фонетическая, система современных литовских диалектов очень сложна. Однако основные изофоны, определяющие современные литовские диалекты, являются сравнительно поздними, возникшими с конца средневековья. Они наглядно представлены на рисунке. Назовем их:

1. Сужение и лабиализация древнелитовских носовых гласных *q, ę* в восточной части Литвы (переход *žąsis, tęsti > žusis, tįsti*) и сохранение их на западе (см. на рис. изофону 1).

2. Соответствующее изменение тавтосиллабических звукосочетаний *an, am, en, em* (превращение на востоке в *un, um, in, im*) (на рис. изофона 2).

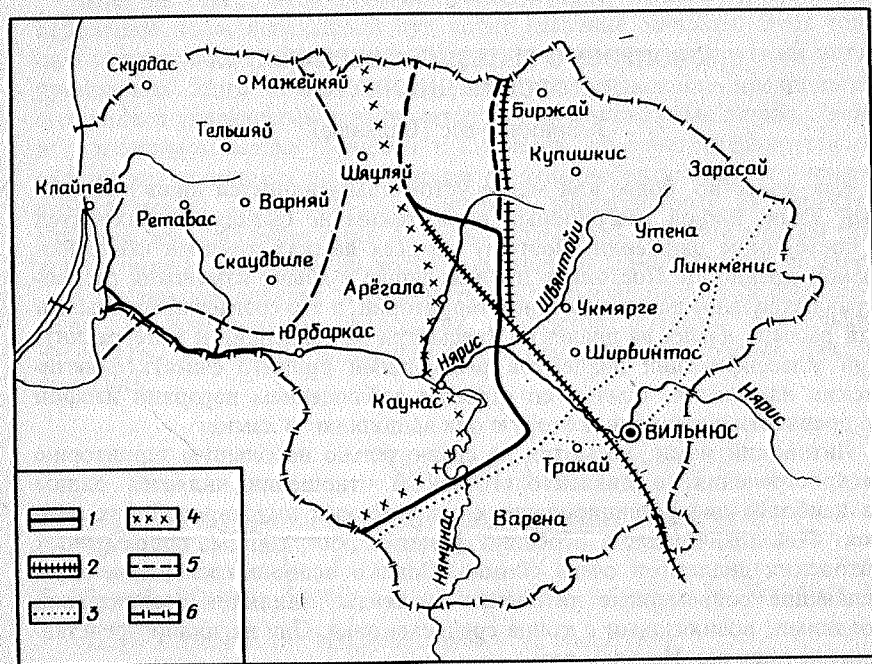
3. Явление дзуканья (*cià, mēdziai* вместо *čià, mēdžiai* и переход *tik, didis* → *cik, dzidzis*) (на рис. изофона 3).

4. Веляризация согласного *l* в позиции перед гласными переднего ряда типа *e* (*lėdas, lėkti* → *tėdas, tēkti*) (на рис. изофона 4).

5. Присущие жемайтскому диалекту а) особенность употребления аффрикат (*mėdei, mēde* вместо *mēdžiai*) (на рис. изофона 5) и б) почти совпадающее с данной изофоной изменение пралитовских долгих монофтонгов **ō, *ē*, соответствующих дифтонгам *uo, ie* современного литературного языка (*dōuna/dū na/dōna* вместо *dūona*).

Если иметь в виду лишь данные изофоны и не обращать внимания на более древние наслоения в языке, сохранившиеся в качестве реликтов из еще более древних эпох, причем элементы не только чисто литовские, но и унаследованные из других племенных балтийских языков, то историю образования современных литовских диалектов можно представить следующим образом.

На наш взгляд, наиболее существенное значение для становления

Основные изофоны, определяющие современные диалекты литовского языка: 1 — сужение носовых гласных *q, ę*; 2 — сужение первого компонента тавтосиллабических звукосочетаний *an, am, en, em*; 3 — дзуканья, т. е. **tj, *dj > c, dz* и *t(v), d(v) > c(v), dz(v)* перед гласными типа *i*; 4 — веляризация *l* перед гласными типа *e*; 5 — **tja, *dja > te, de*; 6 — современная граница Литовской ССР

современных литовских диалектов имело появление первой изофоны, т. е. сужение и лабиализация древнелитовских носовых гласных *q, ę*. С появлением указанного различия литовский язык распался на две первоначальные диалектные области: западную, сохранившую *q, ę*, и восточную, превратившую их в конечном счете в *ç, j*.

Установление хронологии данного различия сталкивается с большими трудностями, связанными с отсутствием вполне достоверных данных. С фонетической точки зрения указанное различие является сходным с сужением и лабиализацией 1-го компонента тавтосиллабических звукосочетаний *an, am, en, em*, т. е. с превращением их в *on, om, en, em* и далее в *un, um, in, im* (изофона 2). Детальный анализ обоих изменений в современных литовских диалектах и письменных памятниках убеждает в том, что носовые гласные *q, ę* подвергаются более интенсивному процессу сужения и сужаются быстрее, чем первый компонент звукосочетаний типа *an* (ср. формы *žūsis, tįsc* < *žūsis, tįsti* наряду с *rankà, penkì* в современном южноаукштайтском наречии). Следовательно, процесс сужения *q, ę* должен был предшествовать по времени сужению звукосочетаний типа *an*.

На основании анализа литовских антропонимов в иноязычных летописях и данных, которые извлекаем из заимствованных в литовском языке терминов материальной и духовной культуры, можем определить, что изменение звукосочетаний типа *an* должно было произойти приблизительно в течение XI—XII вв. [1, р. 227—232]. Так, в Ипатьевской летописи при описании события 1219 г. (некоторыми историками данное событие датируется 1215 г.) приводятся имена литовских князей *Довъспрункъ, Вишимут* (искаженная форма вместо *Вишимунт*) и *Кутений* (искажено вместо *Кинтений*). Литовский оригинал этих имен — восточнолитовские формы *Daūsprungas, Višimuntas* и *Kintenis*, развившиеся из общелитовских форм *Daūsprangas, Višimantas* и *Kentenis*. Следовательно, они проникли в летопись из восточного диалекта после сужения звукосочетаний типа *an*, которое должно было совершиться до начала XIII в., т. е. до описываемого события.

Формы личных имен современного восточнолитовского диалекта *Untānas* и *Uñdrius*, соответствующие *Antānas* и *Añdrius* литературного языка, указывают нам на время начала данного изменения. Упомянутые имена должны были проникнуть в восточную Литву еще до перехода *an* в *un*, так как в данных формах указанный переход впоследствии осуществился. Разумеется, они могли быть заимствованы литовцами лишь после крещения восточных славян, т. е. не ранее конца X в. Таким образом, переход произошел в течение XI—XII вв. Так как изменение носовых гласных *q, ę* (изофона 1) предшествовало данному явлению, то оно должно было осуществиться в IX—X вв. или, может быть, даже еще раньше.

В целях хронологизации изофоны 2, т. е. изменения сочетаний типа *an*, следует обратить внимание еще на одно весьма важное обстоятельство. Дело в том, что географически территория распространения данной изофоны совпадает с пограничным пространством между владе-

ниями великих князей литовских Альгирдаса (Ольгерда) и Кестутиса (Кейстута) [2, р. 143–145]. В южной части, приблизительно до реки Швянтойи, совпадение полное. Дальше на север, за указанной рекой, изофона постепенно принимает некоторое отклонение в западном направлении, что объясняется как следствие заселения с востока на запад лесной полосы вдоль бывшей границы Жемайтского (Жмудского) княжества. Внимательное сравнение известных карт И. Якубовского [3] и М. Любавского [4] убеждает нас в том, что в своей северной части упомянутая граница со временем тоже переместилась в западном направлении. В связи с этим следует указать, что и изменение данных звукосочетаний здесь происходит не внезапно, а постепенно, ослабляя свою силу по мере передвижения с востока на запад. Все сказанное убеждает нас в том, что возникновение изофоны 2, разделившей древнюю восточнолитовскую диалектную область на две части (современные южноаукштайтский и восточноаукштайтский диалекты), должно было осуществиться почти одновременно с образованием древнего Литовского государства.

Изофону 3, дзуканья, по существу составляют не одна, а две изофоны, т. е. наличие *c*, *dz* вместо *č*, *dž* литературного языка и переход *t*, *d* в *c*, *dz* перед гласными переднего ряда типа *i* (юго-восточная линия). В юго-западной части обе эти изофоны полностью совпадают (и с изофоной носовых гласных тоже!), а дальше они не только отмежевываются от изофоны носовых гласных, но и сами расходятся.

Хронологизация дзуканья представляет собой определенные трудности, так как здесь следует различать два хронологически разных процесса: ассимиляцию палатальных переднеязычных смычных и предшествующую ей палатализацию тех же согласных. Установить время ассимиляции несложно, так как на основе данных географических названий в русских и немецких летописях следует полагать, что переход звукосочетаний **tj*, **dj* в аффрикаты (на дзукской территории в *c*, *dz*), по всей вероятности, происходил в течение XIV в., а переход палатальных *t*, *d* в *c*, *dz* осуществлялся на одно столетие позже, т. е. в XV в. [1, р. 229]. Однако процессы ассимиляции представляют собой лишь определенную ступень длительного процесса палатализации, установить начало которого, а вместе с тем и начало истоков дзуканья, мы в настоящее время не имеем возможности. Это должно было произойти еще задолго до эпохи ассимиляции.

Первоначальная западная диалектная область со временем также распалась на два основных наречия. На западе указанной области главным образом под влиянием куршского (куронского) субстрата постепенно стало формироваться современное жемайтское наречие. Наиболее древним фонетическим процессом, характерным для данного наречия, мы считаем изменение, происшедшее в пралитовских звукосочетаниях **tja*, **dja*. Это изменение на основе географических названий в немецких так называемых *Wegebericht*'ах датируется XIV–XV вв. [5, р. 23–24]. Но данное изменение, в свою очередь,

тоже является следствием более древнего перехода **ja* в **(j)e*, который трудно поддается датировке [6, р. 84–85].

Решающее значение в оформлении современного жемайтского наречия также имели известные изменения в области вокализма, как тройная рефлексация пралитовских монофтонгов **ō*, **ē*, соответствующих *uo*, *ie* литературного языка, процесс расширения кратких гласных *u*, *i* и другие явления, трудно поддающиеся более точной хронологизации.

В остальной части первоначальной западной диалектной области с течением времени образовалось современное западноаукштайтское наречие, сохранившее сравнительно архаический облик литовской фонетики. Данное наречие впоследствии распалось на две части в результате веляризации *l* перед гласными типа *e*. Точная хронологизация данного изменения является весьма проблематичной из-за недостаточности наших знаний о ходе самого процесса веляризации [7, с. 96–97]. Не вызывает сомнения лишь факт наличия велярного *l* в эпоху, предшествующую появлению первых литовских письменных памятников.

Со временем на территории как первоначальной западной, так и восточной диалектной области образовались более мелкие диалектные единицы в связи с появлением соответствующих фонетических изменений, имеющих явно поздний характер, напр., ср. формы купшкского диалекта *iādas*, *ktātis*, *nāša* вместо *lēdas*, *klētis*, *nēša* с переходом *e*, *> a*, *ā*, имевшим место уже после процесса веляризации *l* и даже после изменения *ā > ɔ* под ударением.

Из данного краткого изложения видно, что можно отнести начало формирования современных литовских диалектов к эпохе, предшествовавшей возникновению древнего Литовского государства. При этом следует иметь в виду, что анализу не подлежали те несистемные для современного литовского языка элементы, которые являются реликтовыми от еще более древних эпох, так как рассмотрение таких элементов — тема для специальной работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zinkevičius Z. Dėl lietuvių kalbos tautosilabinių *an* tipo junginių pirmojo dėmens siaurėjimo. — *Baltistica*, 1972, priedas 1.
2. Zinkevičius Z. Dar dėl *an* tipo junginių siaurėjimo. — *Baltistica*, 1976, t. 12(2).
3. Jakubowski J. Mapa Wielkiego Księstwa Litewskiego w połowie XVI wieku. 1. część północna. — Kraków, 1928.
4. Любавский М. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута. — М., 1892.
5. Salys A. Kelios pastabos tarmių istorijai. — *Archivum philologicum*. K., 1933, t. 4.
6. Girdenis A. Kada gi žemaičių tarmė atsiskyrė nuo aukštaičių? — *Kalbotyra*, 1971, t. 22(1).
7. Зинкявичюс З. П. К истории палатализации согласных в балтийских языках. — Изв. АН ЛатвССР. Рига, 1973, № 4.

ZUM PROBLEM DES URSPRUNGS DER GEGENWÄRTIGEN
LITAUISCHEN MUNDARTEN

Z. Zinkevičius

Zusammenfassung

Als wichtigste Isophone, die die Grundlage zur Herausbildung der gegenwärtigen litauischen Mundarten bildeten, werden betrachtet: 1) der Übergang $q, \varphi > \psi, i$, 2) der entsprechende Übergang der tautosyllabischen Verbindungen $an, am, en, em > un, um, in, im$, 3) die dzūkische Verschiebung der Konsonanten, 4) die Velarisierung des Konsonanten l vor dem e -Vokalismus und 5) die unterschiedliche Entwicklung der urlitauischen Verbindungen $*ija, *dja$. Es wird ein Versuch unternommen, diese Isophone chronographisch zu ordnen. Dabei wird angenommen, dass sich die gegenwärtigen litauischen Mundarten vor der Entstehung des Litauischen Staates herausgebildet haben. Die nichtsystemhaften phonetischen Elemente der gegenwärtigen Mundarten, die Relikterscheinungen der älteren Epochen, werden nicht untersucht.

НЕКОТОРЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ СЕЛОНСКОГО ЯЗЫКОВОГО
СУБСТРАТА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЛИТВЕ

А. Брейдак (Рига)

В I и начале II тысячелетия нашей эры северо-восточную Литву и юго-восточную Латвию населяло одно племя — селоны [1, с. 15; 2, с. 99; 3, с. 28—29].

О селонском языковом субстрате в северо-восточной Литве писали К. Буга [4, р. 19—21; 5, р. 273—276, 491, 559, 575—576, 578—579, 745] и Я. Эндзелин [6, л. 8—9], а в наши дни на некоторые языковые черты в северо-восточной Литве, которые можно объяснить влиянием селонского субстрата, обратили внимание С. Каралюнас [7, р. 17—19], В. Мажюлис [8, р. 7—12], А. Ванас [9] и А. Брейдак [10, S. 70]. Рассмотрим лишь некоторые фонетические явления северо-восточнолитовских говоров, которые с большей или меньшей долей вероятности можно объяснить влиянием селонского языкового субстрата.

1. **Дистрибуция гласных o : a .** В аникштенском и купишкенском говорах (традиционно это говоры ротининков) и в изолированном дотиненском говоре вильнюсской группы говоров аукштайтского диалекта в ударном неконечном слове наличествует гласный o (точнее $ɔ$ или $ǫ$) вместо литературного a , напр., *võkaras* 'вечер', *võsara* 'лето', *rõtas* 'колесо', но *ratai* 'колеса' [11, р. 50, žem. 6; 12, р. 37]. Аналогичная дистрибуция гласных o (или $ǫ$): a в зависимости от ударности или неударности позиции наличествует и во многих латышских селонских и латгальских говорах, напр., *vokars* или *våkars* 'вечер', *vosara* или *våsara* 'лето' [6, л. 117; 13, л. 267; 14, с. 53, карта 7; 15, S. 86—87]. Разумеется, закон дистрибуции гласных o ($ɔ, ǫ$): a в аникштенском, купишкенском и дотиненском говорах, с одной стороны, и в латышских селонских и латгальских — с другой, переплетается и с иными специфическими правилами дистрибуции гласных o ($ɔ, ǫ$): a , свойственными только северо-восточнолитовским или латышским селонско-латгальским говорам.

2. **Перегиб гласных $e > a$ и $é > ā$.** В купишкенском говоре сохранились следы позиционной перегибности гласных $e > a$ и $é > ā$, идентичной с такой же перегибностью гласных $e > a$ и $ē > ā$ в латышских селонских и латгальских говорах, напр., *madūs* 'мед', *tāvas* 'отец' в купишкенском говоре и *mads* 'мед', *tāvs* 'отец' в селонских и латгальских говорах латышского языка [11, р. 54, žem. 12; 12, р. 38; 6, л. 108; 13, л. 272; 16, р. 30, žem. 1].

В купишкенском говоре обсуждаемая перегибность гласных регулярно осуществляется в парадигме спряжения глаголов.

Купишкенский говор

Селонские говоры

1 л. <i>našū, bāgu</i>	<i>nasu</i> 'несу',	<i>bāgu</i> 'убегаю'
2 л. <i>neši, bēgi</i>	<i>neš</i> 'несешь',	<i>bēdz</i> 'убегаешь'
3 л. <i>nāša¹, bāga</i>	<i>nas</i> 'несет',	<i>bāg</i> 'убегает'

[12, р. 38; 15, S. 86].

Если верно объяснение происхождения названия города *Zarasai* ($\left\langle *Azarasai \right\rangle \left\langle *Ezerasai$: лтш. *ežers*, лтш. диал. (селон. и латг.) *azars* 'озеро'), выдвинутое К. Бугой [4, р. 19—21], то ареал перегибности гласных $e > a$ и $ē > ā$ в прошлом в северо-восточной Литве был гораздо шире, чем в наши дни.

Причиной позиционной перегибности гласных $e > a$ и $ē > ā$ в селонском и латгальском племенных языках, очевидно, явился прибалтийско-финский субстрат, ибо аналогичное фонетическое явление наличествует и в прибалтийско-финских языках, а именно — гармония гласных в южноэстонском диалекте, в водском, ижорском и некоторых других языках [17, с. 165—166].

3. **Согласные s, z вместо ожидаемых литовских согласных $š, ž$.** В топонимии северо-восточной Литвы нередко наличествуют селонские согласные s, z вместо ожидаемых литовских согласных $š, ž$, напр., в названиях населенных пунктов: *Āpsas* (на территории Белорусской ССР), *Zarasai*; в названиях озер: *Zaduojs/Zadūojas, Zālvās, Zārasas/Zarasaitis* [5, р. 278—279, 626; 9, р. 45, 392—393]. Согласные s, z как явление селонского языкового субстрата изредка наличествуют также в именах существительных нарицательных и глаголах северо-восточнолитовских говоров [5, р. 279—280].

4. **Аффрикатизация смягченного согласного k' .** К. Буга и др. считают топонимы с аффрикатой $č$ вместо ожидаемого смычного k' в северо-восточной Литве (напр., в названиях населенных пунктов *Čedasai, Či-vūliai*, в названиях озер *Čēdasas, Čiūnas, Čičiraitis, Čičirys*) селонскими по происхождению [4, р. 108; 5, р. 275—276; 7, р. 18; 9, р. 75—76]. С таким мнением можно согласиться, ибо во многих латышских селонских и латгальских говорах и по сей день наличествуют аффрикаты $č, dž$ ($\left\langle k', \check{k}, g', \check{g} \right\rangle$), а, учитывая ареал гипернормального смычного k', \check{k} вместо

¹Под влиянием литовского языка в купишкенском говоре в глаголе *nešti* произошла замена селонского согласного s согласным $š$.